

Этот мужчина — человек, которого она любит. Они наконец-то воссоединились.

Но почему он здесь?

Сюэ Шо нахмурился и настороженно посмотрел на неё. Её пламенный взгляд вызывал у него лёгкую тошноту. С чего бы этой женщине знать его имя? Он ведь никогда в жизни её не видел!

А-Шо... — сладко и с горькой ноткой в голосе позвала его Ци Юньсинь. Её прекрасные глаза наполнились слезами, а изящный вид вызывал жалость и умиление.

Послушайте, мисс, — вежливо произнёс Сюэ Шо. — Простите за прямоту, но мы с вами не знакомы.

Вы... неужели вы не помните меня... — Ци Юньсинь закусила губу и обиженно моргнула.

Сюэ Шо холодно усмехнулся про себя. Раньше он, пожалуй, и поверил бы в этот спектакль, но теперь он уже почти латентный гей.

Ци Юньсинь немного успокоилась и с горькой мыслью подумала, что после перерождения А-Шо вполне мог её не помнить — нельзя же терять лицо перед ним. Что ж, пусть они начнут всё с нуля. На этот раз она не упустит его.

Она совладала с выражением лица и вежливо произнесла:

— Простите, я потеряла самообладание. Братец, это тот самый господин Сюэ, о котором ты говорил?

Ци Жуйцю склонил голову набок:

— Я тебе ничего такого не говорил. Ты ведь вечно занята, и я... я боялся помешать тебе...

Выражение его лица оставалось совершенно спокойным, без малейшего намёка на смущение от того, что его только что поймали на лжи. Он искренне не понимал, почему младшая сестра говорит, будто это он ей всё рассказал, ведь он действительно ничего не упоминал о появлении нового человека в доме.

Сюэ Шо сразу всё понял: Ци Жуйцю был просто простофилей и совершенно не умел лгать.

— Простите... Наверное, я слишком вжилась в роль и ещё не отошла до конца, вот и перепутала человека.

Ци Юньсинь среагировала мгновенно, ловко сгладив неловкость.

— Выходит, мисс Ци — актриса? — улыбнулся Сюэ Шо, хотя мысленно остался при своём. Эта женщина явно знала его, но предпочла всё свалить на Ци Жуйцю.

Интересно. В его взгляде мелькнул холодный огонёк.

Ци Юньсинь сжала в пальцах сумочку, опустила ресницы и произнесла:

— Я просто изредка участвую в съёмках... до актрисы мне далеко.

Она понятия не имела, почему Сюэ Шо оказался у её брата, но это определённо был подарок небес, упускать который нельзя!

В прошлой жизни на светском приёме её унизила и оскорбила какая-то злобная девица, но он заступился за неё и протянул руку помощи, вытащив из безвыходного положения и избавив от позора под прицелом камер и осуждения толпы. Одно это заставляло её глубоко уважать мужчину, спасшего её из огня и воды.

После того случая... он ведь уже начал испытывать к ней симпатию, но, на беду, какая-то стерва вставила палки в колёса, посеяв между ними зерна сомнений и доведя всё до трагического финала.

На этот раз, раз уж Небеса даровали ей такой шанс, Ци Юньсинь решила мёртвой хваткой вцепиться в сердце Сюэ Шо и больше никогда не отпускать его от себя.

Но почему А-Шо не помнит её? Неужели что-то пошло не так?

Судя по всему, А-Шо потерял память. А вот как он сошёлся с братом — это можно будет выяснить у него позже, при удобном случае. Сейчас же... не отвезти ли А-Шо домой? Ци Юньсинь смутно помнила адрес финансовой группы «Сюэ».

Нет, не надо отвозить. Если отправить его домой, он снова перестанет быть только её. В памяти всплыл насмешливый и соблазнительный образ соперницы из прошлой жизни, и от ненависти она так сильно сжала кулаки, что ногти впились в ладони до боли.

Сделать вид... будто ничего не было. Перед ней не молодой господин клана Сюэ, а потерявший память Сюэ Шо.

— Чего ты боишься? Ты — идеальная женщина.

Холодный и бездушный голос системы прозвучал прямо в её голове.

— Если ты не можешь справиться даже с одним мужиком, то о какой карьере кинозвезды вообще мечтаешь?

С насмешкой произнесла система: — Или ты хочешь пустить на ветер кровь, которую выкачала из брата?

Ци Юньсинь взяла себя в руки, возвращая себе мягкий и элегантный вид.

Сюэ Шо с любопытством наблюдал за тем, как меняется выражение её лица, думая про себя, что женщины способны менять личины быстрее, чем переворачивать страницы книг — должно быть, в этом и заключается величие таких людей.

Как удивительно: Ци Жуйцю живёт в старом квартале, носит дешёвую одежду с рыночных развалов — да к тому же застиранную до белизны, — а его сестрица разодета в бренды с ног до головы, лицо безупречно накрашено, манеры утончённые, а кожа на открытых запястьях и вовсе светится изнутри, словно её с рождения купали в молоке. Если не обращать внимания на окружающую нищету, любой принял бы её за избалованную дочь из богатой семьи.

Ци Жуйцю радостно сообщил:

— Я видел твою рекламу! Моя сестрица скоро станет большой звездой!

Только услышав это, Сюэ Шо вспомнил, почему лицо Ци Юньсинь показалось ему смутно знакомым. Она же была главной героиней в том рекламном ролике на огромном электронном

экранов, на который Ци Жуйцю пялился так долго. Точно, как её там звали — Юнь-эр?

Он отлично помнил ту рекламу: заказчиком выступал крайне известный концерн бытовой химии, чья продукция занимала чуть ли не половину рынка, и сейчас они вкладывали колоссальные силы в продвижение новинки. Получить такой контракт означало, что её агентство имеет неплохие связи, так что неудивительно, что она так роскошно одета.

Но раз уж у неё водятся деньги, почему она до сих пор не оплатит брату операцию? Почему он до сих пор прозябает в этой трущобе? Казалось, между ней и Ци Жуйцю не было никаких противоречий.

Сюэ Шо потрогал подбородок, снедаемый чувством несправедливости. Он покосился на уродливую физиономию Ци Жуйцю и мысленно всё понял.

Ну конечно, наверняка она считает этого братца уродом и тупицей, а говорить о таком — только позориться. В конце концов, иметь такого брата — определенно не повод для гордости.

Он понимал ее состояние, но все равно презрительно фыркнул. Уродливый бедняжка так жалок, подумал Сюэ Шо, никто его не любит, никто о нем не заботится, прямо как сирота казанская. Он решил проявить гуманизм и подарить Ци Жуйцю немного тепла.

Раз уж бедного уродца никто не жалуется, так и быть, этот молодой господин снизойдет до него. Сюэ Шо приподнял брови и быстрыми пальцами ущипнул Ци Жуйцю за мягкую кожицу на затылке.

Ци Жуйцю: «?» Он озадаченно обернулся, но Сюэ Шо, засунув руки в карманы с развязным видом, смотрел в небо.

— Ты... так давно не был дома, сегодня братец приготовит тебе поесть... Э? — Ци Жуйцю снова повернулся, а Сюэ Шо с недоумевающим видом уставился на него.

— Зачем ты меня щипаешь? — нахмурился Ци Жуйцю. Сюэ Шо тут же отпарировал: — С чего бы мне тебя щипать? Тебе показалось, у тебя просто сахар в крови упал.

— Ты... — Ци Жуйцю внезапно замолк. Он знал, что Сюэ Шо над ним издевается, но поделать ничего не мог: в словесной перепалке не победить, в драке тем более, оставалось лишь злобно поырчать на него.

Хм, Сюэ Шо потерял нос. Хотя он и решил взять этого парня под свое крыло, та половина лица все еще выглядела слишком пугающей... Нужно как можно скорее организовать для него операцию.

Ци Юньсинь с неверием наблюдала за ними: движения Сюэ Шо, больше похожие на заигрывания с домашним питомцем, выглядели донельзя странно и интимно, а брат при этом даже не испугался и не выказал отвращения! Подумать только: у Сюэ Шо от природы была брезгливость, что вообще свойственно выходцам из знатных семей, он старался лишним раз ни к кому не прикасаться. А ее брат из-за своей инвалидности всегда страдал от комплекса неполноценности, жутко боялся чужих прикосновений, и даже она не могла погладить его — брат сразу же уворачивался. А теперь к нему прикасались, и он лишь пару раз сердито зыркнул на Сюэ Шо!

Не слишком ли хороши их отношения?..

Нет, быть того не может, А-Шо просто вечно любит над всеми подшучивать. К тому же, разве плохо, когда шурин и муж сестры ладят между собой? В конце концов, лучше уж он подшучивает над братом, чем над кем-то на стороне!

Ци Юньсинь поспешно отогнала странные мысли из головы и принялась успокаивать себя.

Сюэ Шо прекрасно знал, что сидевшая напротив девушка отлично видела все его мелкие махинации, но ему было совершенно всё равно. Если не случится непредвиденного, эта девушка — его будущая свояченица, а перед свояченицей можно и повыделываться, стесняться тут нечего. Он непринужденно оперся о плечо Ци Жуйцю:

— Хозяин, я проголодался. Ты же обещал накормить.

— Ой-ой, — очнулся Ци Жуйцю, словно от сна, торопливо снял со стены фартук и скрылся на маленькой кухне.

Ци Юньсинь не шевельнулась, опустив тонкие, густо-черные ресницы. Сейчас всё было иначе: как новоиспеченная чистая богиня красоты, разве могла она пачкаться запахом еды? Она сдержанно уселась за стол и мягким, певучим голосом произвела:

— Господин Сюэ, не желаете пообщаться?

Сюэ Шо, даже не обернувшись, проследовал за ней на кухню:

— Хозяин, я иду тебе помогать! — он попросту сделал вид, что ничего не расслышал.

Ци Юньсинь тихонько закусила алые губы. Глядя ему в спину, она почувствовала, как на дне ее глаз оседает легкая дымка печали и досады.

У главного героя точно мозги набекрень, честно говоря.

Оказавшись на кухне, Лю Лянь принялся жаловаться системе. Система отреагировала с энтузиазмом:

— Угу-угу, я видело, как он тебя лапал. Кажется, ты ему очень нравишься.

Лю Лянь холодно усмехнулся и со злостью опустил нож на огурец, лежавший на разделочной доске:

— Что-то я не заметил.

Система с замиранием сердца наблюдала за тем, как он кромсает овощ. Сначала она со страху сжалась у него на груди, но потом, подумав, решила, что системе не пристало быть такой трусихой, и храбро добавила:

— Мне кажется, ты вполне мог бы попробовать завести роман... В конце концов, столько жизней подряд ходишь в гордых одиночках.

Лю Лянь остался при своем мнении:

— И что с того? Разве моя жизнь и так не полна лишений?

Он снова взмахнул ножом, срезая тончайший ломтик огуречной мякоти.

Система принялась увещевать его с отменным усердием:

— Пока сам не попробуешь вступить в отношения, откуда тебе знать, хорошо это или нет? Не попробовав грушу, не узнаешь ее вкуса!

Лю Лянь внезапно бросил на нее мрачный, зловещий взгляд:

— Я вот еще ни разу не пробовал систему на вкус...

Система:

— ...!! — она в ужасе вытаращила круглые глазенки. — Я в тебе разочаровалась!

Шмыгнув, она скрылась в груди Лю Ляня и больше не произнесла ни звука. Ей нужно побыть в тишине. За что ей достался столь жуткий Хозяин, ууу!

Уголки губ Лю Ляня тронула улыбка — этот дурацкий болтун наконец-то заткнулся и перестал загрязнять эфир.

Всякие там романы, всякие главные герои — катись они все к черту!

Даже один я смогу... — он с силой рубил огурец, — смогу прожить прекрасную жизнь.

Тело Лю Ляня внезапно окаменело.

Какая-то рука незаметно проскользнула под его одежду, излучая тепло, которое было невозможно игнорировать. Когда Сюэ Шо вошел следом, он мимоходом прикрыл стеклянную дверь кухни, чтобы кухонный чад не выходил наружу. Разумеется, матовое стекло скрыло их силуэты.

Ему хотелось побыть с Ци Жуйцю, посмотреть, как тот готовит для него еду, и заодно немного полапать его. Сюэ Шо подумал, что раз уж он играет роль властного генерального директора, то было бы просто непрофессионально не поиздеваться над этим пугливым кроликом.

Ци Жуйцю был одет в свободную футболку, которая еще больше подчеркивала его худобу. Сюэ Шо наблюдал, как тот молча режет огурец, словно питая к нему какую-то жуткую, смертельную ненависть. Воспользовавшись тем, что Ци Жуйцю не смотрит, Сюэ Шо украдкой просунул руку под его одежду и прямо нащупал талию Ци Жуйцю.

Стоило им только соприкоснуться, как у Сюэ Шо возникло странное ощущение, будто он трогает нежнейший тофу. Кожа Ци Жуйцю была прохладной, и, к его неожиданности, невероятно гладкой и нежной. Сюэ Шо бессознательно прижался всей ладонью и начал ее поглаживать. Постепенно его рука переместилась вперед и замерла на животе Ци Жуйцю.

Мягкий... ни единого грамма лишнего веса, но и никаких твердых кубиков пресса. Сюэ Шо слегка ущипнул его за живот, не заметив с его стороны никакого отторжения.

Молодой господин Сюэ с горечью подумал, что он пропал. Он окончательно превратился из натурала, прямого как стальная труба, в согнутую скрепку. Трогать Ци Жуйцю было все равно что гладить белого кролика — теплого, мягкого и совсем не царапучего. Ему ужасно захотелось покормить его чем-нибудь вкусным.

Ци Жуйцю покрылся мурашками и задрожал от страха. Сюэ Шо придвинулся к самому его уху и тихонько проговорил:

— Эй, почему ты такой мягкий? Какой мужчина может быть настолько мягким? Ты что, из сахарной ваты сделан?

Казалось, его собственная шутка позабавила, и он издал в ухо Ци Жуйцю низкий смешок.

— Отпусти... Отпусти меня,пусти! Кухонные ножи ведь не разбирают, где свои! — Ци Жуйцю не смел кричать во весь голос, поэтому лишь сжав зубы угрожал, да и сопротивляться в полную силу не решался. Сюэ Шо сполна насладился радостью издевательств над слабым и убрал руку только тогда, когда вдоволь нагладился.

Сюэ Шо усмехнулся:

— Ой, как страшно.

Он разжал пальцы и прислонился к косяку:

— Ладно, не буду больше тебя донимать, продолжай.

Ци Жуйцю в непрерывном страхе и под пристальным взглядом Сюэ Шо наспех стряпал ужин. Когда он сел за стол, на коже всё еще ощущался слабый остаток тепла той руки — раскаленной, словно утюг, готовый вот-вот прожечься сквозь сосуды прямо к его сердцу. Тревога и беспокойство полностью завладели его мыслями, из-за чего еда казалась совершенно безвкусной. Ци Юньсинь заметила, что он рассеян, и тихо спросила, что случилось. Ци Жуйцю покачал головой и наотрез отказался говорить.

Сюэ Шо же оставался невозмутим: любое дело он делал с легким сердцем. Он уже (в одностороннем порядке) утвердил свои права на Ци Жуйцю, так что стоило ли вообще переживать из-за пары ласк?

Ци Юньсинь лишь едва пригубила еду, отложила палочки для еды, сослалась на необходимость следить за весом и поспешно удалилась. Ей не хотелось лишний раз видеть равнодушный, пустой взгляд Сюэ Шо, который тупым ножом кромсал ее сердце.

Ци Жуйцю заметил, что она ушла слишком торопливо и забыла какую-то вещь.

Это был сценарий.

Ледяная кожа и нефритовые кости, чистые, прохладные, без единой капли пота — Сказание о

госпоже Хуажуй.

Ледяная... кожа и нефритовые кости?

Медиум-фантаст и гадкий утенок (часть 8)

Новость о том, что масштабный исторический блокбастер «Госпожа Хуажуй» скоро запускается в производство, а его общий бюджет превысил триста миллионов, захватила заголовки всех развлекательных СМИ. Инвесторы отнеслись к этой драме с огромным вниманием, приложив немало усилий для рекламной раскрутки и намертво приковав взгляды зрителей. Больше всего вопросов вызывало имя «Юнь-эр».

Его обладательница пока еще не могла считаться актрисой высшего эшелона. Однако тот факт, что именно она исполнит роль «госпожи Хуажуй», был уже железобетонным, подтвержденным фактом.

Светские сплетники указывали на то, что Юнь-эр — это та самая актриса, которая рекламирует главную новинку финансовой группы «Сюэ». На ее счету было совсем немного киноработ, зато рекламных контрактов — хоть отбавляй, причем все сплошь от крупных брендов. Невольно возникали сомнения: а есть ли у нее вообще актерский талант? Каким образом она сумела прорваться сквозь ряды как начинающих, так и маститых актрис и заполучить главную роль?

Поклонники других актрис затаили обиду: многие толпами хлынули на страницу Юнь-эр, засыпая ее руганью и насмешками, извращенно обвиняя в том, что она пробилась наверх через постель и запятнала себя грязными сделками с инвесторами. Досталось даже режиссеру, да и прочие звезды покрупнее и помельче, успевшие хоть как-то повзаимодействовать с Юнь-эр, тоже попали под перекрестный огонь.

Сама Юнь-эр никак не реагировала на происходящее, зато режиссер лично выступил с опровержением слухов, заявив: «Мы выбрали Юнь-эр потому, что она лучше всех соответствует образу госпожи Хуажуй. Что же до остальных вопросов — всё узнаете после выхода сериала».

Ци Юньсинь бегло пролистала комментарии на собственной странице, и на ее губах заиграла лишь холодная усмешка. Закрыв вкладку и зажмурившись, она мысленно увидела обиженное лицо другой женщины.

Обиженное? Ха. Ту жгучую злобу в ее глазах Ци Юньсинь запомнила во всех деталях.

Шан Жои. Изначально именно она должна была играть «госпожу Хуажуй» по предварительной договоренности. Однако появление из ниоткуда Ци Юньсинь пустило все ее планы прахом. Именно эта женщина в прошлой жизни разрушила ее репутацию, отняв любовь, семью и карьеру.

Но на этот раз ей больше не нужно ее бояться. За прошлые козни и унижения, когда ее втоптали в грязь, в этой жизни она непременно отплатит той же монетой.

Ци Юньсинь поднесла кончики пальцев к свету и внимательно осмотрела их. Они были поразительно нежными и белыми, а в лучах дневного света приобретали едва уловимую полупрозрачную текстуру, словно вылепленные из снега или выточенные из мягкого нефрита. Такие руки стоило лишь мельком увидеть, как тут же возникало желание взять их в ладони и начать неторопливо гладить.

Только подобные руки и заслуживали описания: «Ледяная кожа и нефритовые кости».

Кто еще мог сравниться с ней в совершенстве? Даже знаменитый режиссер, отличавшийся взрывным нравом и придиристской придирчивостью, не удержался от похвалы, назвав ее просто «красавицей из чистого нефрита»!

Ее «госпожа Хуажуй» станет беспрецедентной, неповторимой классикой этого мира.

Что же касается истоков всего этого... ее старший брат... Взгляд Ци Юньсинь помрачнел. Менеджер уже сто раз повторил ей, что никому нельзя раскрывать существование брата, иначе ее образу будет нанесен непоправимый урон. В конце концов, для внешнего мира она представала девушкой из загадочной, но счастливой семьи. Если бы посторонние узнали, что у нее есть брат-инвалид, трудно было бы даже представить, к какому скандалу это приведет. Подобного исхода они точно не хотели.

Однажды агент вскользь поинтересовался, не стоит ли сделать Ци Жуйцю пластическую операцию, но она отговорила тем, что родимое пятно слишком большое и его трудно удалить, а если случайно задеть глаз, то последствия станут необратимыми.

На самом деле лишь она одна знала правду... Эту ужасную метку было невозможно вывести! Ее не сжечь даже лазером, потому что... она возникла вовсе не естественным путем...

Пока это родимое пятно оставалось на лице брата, она могла цвести и оставаться красивой. Но стоило ему исчезнуть, как она перестала бы быть несравненной красавицей.

Красота кроется в костях, а не во внешней оболочке. Если утратить внутренний дух и стать, разве можно тогда зваться красавицей?

Сюэ Шо бегло пролистал тот самый сценарий и увидел, что в графе «исполнительный продюсер» крупными буквами значилось имя: «Сюэ Чжао».

— Ого, — холодно усмехнувшись, он небрежно швырнул сценарий в сторону и, закинув ногу на

ногу, заявил Ци Жуйцю: — Советую твоей сестричке бросить съемки. Этот тип — далеко не подарок. Берегись, как бы он чего не удумал против твоей сестры.

Он выразился довольно мягко, переложив всю потенциальную вину прямо на Сюэ Чжао.

Ци Жуйцю тут же расสวิрепел: решив, что Сюэ Шо оскорбляет его сестру, он ввязался с ним в перепалку. Разумеется, переспорить Сюэ Шо ему было не по силам, так что в итоге он промучился в обидчиках весь оставшийся вечер.

Сюэ Шо решил, что слишком балует Ци Жуйцю, а потому обязан утвердить свой авторитет.

Когда Ци Жуйцю заснул, он кое с кем созвонился.

Рано утром, когда небо едва начинало сереть, несколько мужчин в черных костюмах, темных очках и с сияющими от полировки кожаными туфлями бесшумно появились у порога квартиры Ци Жуйцю.

Сюэ Шо на цыпочках приоткрыл дверь и кивнул на свернувшегося клубочком под одеялом Ци Жуйцю:

— Забирайте. Только не разбудите.

Мужчины в костюмах ловко и беззвучно вынесли Ци Жуйцю из дома. Сюэ Шо зевнул и неторопливо последовал за ними.

За пределами старого жилого квартала на пустой улице стояло несколько машин. Сюэ Шо неспешно распахнул дверцу автомобиля, на кожаном заднем сиденье которого уже устроился Ци Жуйцю. Он протянул руку и легко провел пальцами по лицу Ци Жуйцю, едва касаясь кожи.

— Глупыш, — в его глазах блестели озорные искорки.

Лю Лянь ломал голову над тем, куда же главный герой собрался его увезти. Неужели они едут вырезать ему почку?

Система обессиленно отозвалась:

— Ну да, ну да, чтобы потом обжарить с луком.

Лю Лянь поленился отвечать ей. Его щека прижималась к груди Сюэ Шо, и мощные, уверенные удары сердца отдавались ритмичной барабанной дробью прямо в его барабанной перепонке, оставляя размеренный пульс в глубине души.

Когда он снова открыл глаза, вокруг уже не было его прежнего дома.

Мягкий свет пробивался сквозь бежевые тюлевые занавески, падая ему на лицо. Кровать под ним была широкой и просторной, простыни — легкими и мягкими, источающими слабый, утонченный аромат.

Он слегка повернул голову, и его взгляд тут же встретился со взглядом Сюэ Шо.

Мужчина был одет в удобную повседневную одежду и, лениво откинувшись на спинку вращающегося кресла, вытянул длинную ногу. Его пальцы стремительно летали по клавиатуре, а на переносице красовались очки в золотой оправе, придающие лицу отстраненное и надменное выражение. Вокруг него непроизвольно витала та самая аура человека из высших кругов, из-за чего не замечать его присутствие было просто невозможно. Каждое его движение исходило невыразимое благородство. Весь он был окутан ласковыми лучами солнца, и казалось, будто его фигура слегка размыта. словно он вот-вот окончательно растворится в этом свете.

Заметив, что Ци Жуйцю смотрит на него, Сюэ Шо чуть приподнял веки.

И мелкие осколки льда в его глазах растаяли без следа.

Между ним и Ци Жуйцю изначально лежала пропасть, непреодолимая, как расстояние между небом и землей.

Этот нежный взгляд расплывался в танцующих пылинках солнечного света, в то время как тепло солнца на щеках ощущалось пугающе реально.

В какой-то момент Лю Лянь едва не перестал отличать реальность от иллюзии.

То ли Чжуан-цзи снилось, что он бабочка, то ли бабочке снилось, что она Чжуан-цзи?

Нет... Подобным мыслям нужно немедленно положить конец!

Лю Лянь судорожно вцепился пальцами в простыню.

Всего лишь набор цифровых данных, так незачем позволять ему раскачивать свое сердце!

Ощувив колебания его эмоционального фона и начавшееся ментальное волнение, система тут же попыталась пробиться к его разуму, чтобы успокоить.